
Этот древний храм спрятал Бог в море,
Он доминио стал на моём дворе,
Срубом дуба Сам Бог явился мне,
В нем алтарь, как печь

из больших камней.
Я в неё вложил огонёк души,
Словно в ней я жил, иногда тушил.
Словно сотни лет он мой род хранит,
В нем сокрыт мой свет и моей родни.
От его от стен мне тепло в ночи,
Если ждём гостей, греет кирпичи.
Если ждём врага, крепче стража нет,
За окном пурга, чтоб запутать след.
И живу так век под его корой,
Человек живой, как в земле сырой.
Дай пойти на луг – надыхаться, спеть,
Не пускает друг, закрывает клеть.
Если стал жрецом, получил покой,
Разруби крыльцо сам своей рукой.
Стань душой ствола да забудь о сне,
И течёт смола, словно кровь во мне.

С чёрных изб небольших деревень,
Где с Уралом браталась Сибирь,
Стелег долы ковыль да ремень –
Так душа разрастается вишрь.

Наталья ШАХНАЗАРОВА

И в греческих текстах Господь – поэт...

Под ногами вздыхает земля,
Звёздных ливней встречая росу,
Заполняя лучами поля,
Солнце Родины в сердце несущ.

Вся вселенная входит в избу,
И по-прежнему хочется петь,
Проползают трава по столу
К моему окрещённому лбу.

За горами леса да огни,
Долы, реки, ложбины, пути,
Где ни пешим, ни конным – лето,
Где нельзя по прямой – обогни.

Здесь как в сказке –
развилка да крест,
Да в распахнутых ставнях – полёт,
Что-то в этом бессмертное есть –
В старых избах, поросших быльём.

Что-то в этом есть вечное – свет
В самой чёрной ночи в тишине,
Здесь Россия, которой уж нет...
Как же нет, ты находишься в ней?

В этих избах, поросших быльём –
В тех, в которых давно не живём,
Над крестами кружит вороньё,
Но по-прежнему с песней встаём.

И по-прежнему Богу поём:
Да придёт здесь Царство Твоё,
Да святится здесь Имя Твоё,
Прорастваем сквозь избы быльём,
От лампы светло словно днём.
Дух Господень в России, мы – в Нём.

Вся рубашечка неба расцвечена,
Словно белый узор облаков
С окон списан
забытой, бревенчатой,
Уходящей избы стариков.
Где еще, как на фото прапрадеда, –
Я найду то заветное зодчество.
Есть места, где оно всеми правдами
Сохранилось – как род через отчество.
А я помню – наличники, ставенки,
В доме деда, рубанок, пилу,
Пяльцы бабушки,

кружево, старенький
Триптих в красном сияет углу.
И рубашечку шьёт-вышивает,
Наполняя обрядовой песнею,
Баба Катя мне – нитью небесною.
И узоры в лазурь уплывают...

Идут степные облака,
С далёких весей до столицы,
Трава под ними высока,
Но всё-таки чуть выше – птицы.
Идут с вестями о зиме,
На языках горланья местных
О жизни, воле да тюрьме,
Свои послания да песни.
Идут, несут в себе снега,
Тревоги гроз, покой метелей,
Вот так Судьба издадала
Подходит к нашей колыбели.
Вот так над нами восстаёт,
Что даже солнцу в небе тесно,
И так же вдруг от нас уйдёт,
Сны заберёт, оставит песни.

Свет Всепенной, Начало, песок,
Словно я это видела в жизни,
Даль Дали, грани слов Пикассо,
Время плавится, яркости взбрызни!

Замени чёрно-синим стеклом
Звёздный купол, прислушайся: рядом
Царь Давид сочиняет псалом
И читает жующему стаду.

Спадает ночь, как старый плед тяжёлый,
Как дедов сказ, спускаясь в закрома,
В который раз я верю в слог псалма,
Не опускаю глаз, земному долгу
Я предпочту небесные дома.

Не росыль звёзд, а комнаты бесполоых
Святых существ, глядящих из окон,
Спадает смерть,
как с плеч кафтан тяжёлый,
Чтоб стать под стать бессмертию икон.

Покуда мир не ведаёт Прокурста,
Пустеет его гибельное ложе,
Молчит ещё великий Заратустра,
И "Бледного коня" Господь стреножит.

Покуда мир не ведаёт Пилата,
Спит Достоевский во вселенной пыли.
А был ли мальчик?

Все мы, правда, были?
Здесь и сейчас, и завтра, и когда-то?

Булгаков спит,
Да Винчи, Данте, Пушкин,
Молчит Аврора, на воде канаясь.
Не зная, забыть, а будет ли так лучше?
Как будто ничего не начиналось.

И только рай, открытые границы,
Запретный плод, непройденные дали.
И больше ничего не повторится,
Не будет зла, но прочее так жаль мне.

Всё громче оживает чайник,
Но до кипенья далеко.
Не знаю, как там англичане,
А мы за столиком – в трико.

Как говорится, тут не здесь вам!
И чай цейлонский, марки Tess,
В котором роют детства
Моменты истинных чудес.

Приятно помечтать о старом
И с новым мигом сверить тот,
В котором рокот савара
Вот-вот на шёпот перейдёт.

Разойдётся клином свет
Под столбом фонарным.
Мы пройдем его, а вслед
Пропоёт комар нам.

Под другим столбом жужжит
Живность крупнее –
Водолюбый! Хороши,
Но ловить не смею.

Будь упавший невредим,
Будь он жирный самый...
Но теперь я не один,
А под ручку с дамой.

Вот опять под утро снится
Молодинский славный бой.
Наша засека, граница
Вдоль речушки голубой.

Вражья армия – большая!
Так и лезут, так и прут.
Я стрелец, я заряжаю,
Совершая ратный труд.

А пока я делал выстрел,
Еле сдерживая злость,
Возле самой головы стрел
Семь навстречу пронеслось.

Прок ли думать о курносой?
Это в нынешнем веку
Даже с маленькой занозой
В поликлинику бегут.

В битве лекаря нигде нет,
Лечь свистит калёный нгус.
Если он меня заденет,
Значит раньше я проснусь.

Мир, застой и ничего такого.
Никаких весёлых перемен.
Глядь – в пыли валяется подкова.
Подберу – спокойствию взамен.

Но никак подкова не берётся,
К колее как будто пригнула.
Смотри беззащитная берёза
На мои натужные дела.

Я сходил за помощью и где-то
Отыскал помощников точчас.
Все они – от мышки и до деда –
Знают рычаги подземных масс.

Дело слепой репки не забыто.
Потянули – обвалился ком:
За подковой тянется копыто,
За копытом – лошадь с седоком.

Разом опрокинулась бригада,
Всадник отряхнулся, поскакал
С радостью восставшего из ада,
Показал чудовищный оскал.

Закружился вихрем, машет саблей,
Без разбору всё вокруг круша.
Дед и сопотяжки озябли
От враждебных смерчей куража.

Беззаботный мир наш атакован.
Кто злодея выпустить помог,
Не желая ничего такого?
Но молчит берёзовый пенёк.

«Не надо раскачивать лодку», –
Любил повторять капитан.

Мол, если нам действовать чётко,
То скоро мы будем вон там.

Но кто-то вручил ему ноту:
«С меня уже хватит, сиречь
Не буду вычерпывать воду,
Пока не заделаем течь».

А кормчий ответил: «Я старше.
Я помню,
что лодка течёт.

Есть мера:
полезен на марше
Спокойный и точный расчёт.

Ресурсов немного. Их надо
Делить, сохраняя престиж:
Но кто-нибудь должен грести ж!».

**Игорь
МАЛЬЦЕВ**

Дух Борея

Ветер утренний поле потрогал,
Веник мятлика свеж и росист.
Рыбаком на лесную дорогу
Выходил социальный расист.

В сумке корм
(повозился вчера с ним),
На плече коромыслом бамбук.
До реки можно думать о разном.
О прогрессе задумался вдруг:

– Почему не дают развернуться
Тем, кто вертится, чуя навар?
Исхитрился – удача на блюде,
Не умеешь – работай на бар!

И за равенство больше не ратуй,
Пролетарь от зари до зари!
Бизнесмен получает награду
За ответственность, то есть за риск.

Нынче правильно пишут в газетax,
Стал смелее журнал «Огонёк».
Было б славно, чтоб думали все так!
Раньше каждый крутился, как мот!

Раньше пахарь потел между грядок,
Знай работай, господ не дури!
До чего был хороший порядок!
Но порушили всё бунтари!

Поломали заборы сословий:
Был богатым – со всеми худей!
Но открыл глаза всем назло Вий
И на касты разделит людей.

Новый русский
поклонится пленным,
Тем, что кедры валили в тайге.
Втихаря, без оглядки на пленум,
Коль реформы скакнёт буквой «Г».

Разрешат печатные строки,
Их с трибуны прочтут дураки.
И увидим итог перестройки.

Помечтал. Вот и берег реки...

Левиза арию пропела –
Из тех, что смутно узнаём, –
И нет досадного пробела
В образовании моём.

Была мелодия знакомая,
Всадник отряхнулся, и когда –
От правды были б далеко мы,
Коль нас спросили: «Угадай».

Когда-то правильным ответом
Могла кичиться только знать,
Но больше голод нам неведом.
Не стыдно ль арию не знать?

Мне помнится, есть у Лескова
Из жизни крестьян анекдот.
Там барин, в науках подкован,
С толпой разъяснение ведёт:
– Небось, от сохи вы устали.
Сейчас переходим на плуг.
Английский. Железный. Из стали.

Мужик выделяется вдруг.
Во взгляде не то чтобы удал –
Чутьё – хоть сапёру на шлем:
– Скажите, а плуг не оттуда ль,
Где все покупают наш хлеб?
– Оттуда. Внесут свою лепту.
Они же им пашут.
– Вот-вот!
А мы у кого будем хлеб-то
Себе покупать через год?

Теперь к чему
хвалить Столыпина
Иль хаять
за раздел земли?
Оно – как ступля
и столы пинать,
Когда из зала все ушли.

Не стоит ныть, зубами лягая,
Архивной плесенью дыша.
Но стоит помнить, что крестьянская
Община – русская душа.

Шёл по полю кто-то с пилеоу
И к лесу потом повернул,
Чтоб тихо, с улыбочкой злюю,
Валить на деревья вину –

За то, что родился в деревне,
Что в ней дух общины погас,
Что мало к успеху дверей в ней,
Лишь манит китайский заказ.

Была стена у нас в Европе –
И широка, и высока.
Враги сломали много копий
Об эту стену за века.

Но злоба слов сильней меча-то!
И внешний враг не бесплоков:
Он горы копий напечатал
Руками внутренних врагов.

В конце пятидесятых, год за годом,
Отлаженные прежде рычаги
И кнопки управления народом
Повдавались захватывать враги.

Внимания к себе не привлекая,
Не торопясь, орудовал Кащей.
Подспудная политика лихая
В икону превращала мир вещей.

За суетой никто и не заметил,
Как рычаги злодеи увели.
Наш идеал, что был велик и светел,
Пустой баржой оставлен на мели.

Однажды журналист спросил Кащеля:
– Сейчас ты на коне, местами крут,
И всё ж интересуюсь... так, вообще я –
А вдруг твоих людей не изберут?

Не помня про яйцо и что игла в нём,
Кащей проговорился соряча:
– Нас не достанут потому, что главным
Мы сделали финансовый рычаг.

Глумись, как сытый рэпер,
Успешный паразит!
Пускай тебе Макс Вебер
Бессильно возразит.

Тебя похвалит Кальвин
За то, что ты богат,
Что мир твой уникален,
Прекрасен, как закат;

Что розовый, как лотос,
Чья избранность видна;
Что вылез из болота,
Смердящего со дна;

Что ты своей Вселенной
С рожденья дорожишь.
Тебе из тины тленной
Завидует камыш.

Анатолий ОБЪЕДКОВ

Жизни прежней свет начальный...

Приустал. Крестьянский труд
Валят с ног и тех, кто крепко.
Комары от храпа мрут,
Издыхают в гуще веток.

С неба высверки летят,
Звонко гаснут в синих росax,
Жарок жабы мутный взгляд,
В нём порой сверкают прозы...

Длинноклювый журавель
Скриплет вновь на дне колодца,
Змейкой бойкой повитель
По малине хрупкой вьется.

Как огромен небосвод
И всё ярче светят звёзды!
Сон глубокий настаёт,
Он ко мне приходит поздно.

Богатырски дед храпит,
Раздвигает лунный полог,
И бутылочный осколок
Свет иных миров таит.

Прелюдией нахлынувших веков
Звучит родной простор. У наковальни
Как будто снова слышен стук подков
И ржанье лошадей
с тревогой дальней.

Рожь налилась. И солнечная синь
Селенья наполняет, перелексы.
Порывы ветра шелест льют осин,
С домами утопая в ярком блеске.

На пустыре когда-то был колхоз,
Правление глядело на Алешню.
Но словно кто-то жизнь села увез
Из этих мест дорожно нездешной.

Ушли в иные дали мужики,
Которых знал я. В жизни быстротечной,
Наверно, укачали их мешки...
И души их плывут в потоке млечном.

Мое ли состраданье нужно им?
Они свое на свете отлюбили,
Скорей всего им близок серафим,
А не большак, где мчат автомобили.

И я стремлюсь в заоблачную высь,
И ни на миг нельзя остановиться,
И все дороги в жизнь одну слились,
Где иногда сверкнет перо жар-птицы...

Слился месяц молодой
С купами деревьев,
Убакчал край родной
Кольбелью древней.

Чувства к небу понесли
С радостью нетленной,
И степной простор земли
Стал моей вселенной.

Ветроград мой, виноград...
Гул встает далече –
Край зовёт к себе назад
И спешит навстречу.

В люльке солнечных небес
Мать меня качала,
Чтоб я жил счастливо здесь
С самого начала.

Но такое не сбылось,
Я давно нездешной,
И теперь спешу как гость
К дремлющей Алешне,

К той избе, где жил мой дед,
Чуть пораньше – прадед,
Месяц смотрит мне вослед,
Вёглы видеть рады...

Я скажу с любовью им:
Как же вы прекрасны!
Божьей волей край храним,
Свет его не гаснет.

Я б вернулся в отчий дом
В поздний час или на рассвете,
Где-то в зареве ночном
Он еще стоит и светит.

Кочетовка далеко,
Терновое всё же ближе –
С материнским молоком
Я в селке когда-то выжил.

Лягушкам – хоть корыто,
Поют свою средю,
А ты цветёшь открыто,
У племса на виду.

Не дашь копейки нищим,
Раз Кальвин не велит,
Мол, сами деньги ищем,
Деля их меж элит.

Средь жителей похуже –
Сомнение поей:
«Давай заменим лужу
На кафельный бассейн».

Скажи: «Хочу бутонам
Достойный антураж».
А корни под бетоном
Попибнут. Но не зря ж!

А если вечно в иле
Хотели жить, терпя,
Зачем не придумали
В зародыше тебя?

Как термин «тоталитаризм»
Увижу на экране я,
Так сразу думаю: дались
Им эти заклинания!

Такой искусственный ярлык,
Привычный в блоге,
в чате ли,
В научный спор бы
не проник,
Он там не состоялся.

Как мантру для бунтовщиков,
Бублин его хоть двести лет,
В реальном мире ничего
Ему не соответствует.

Никому не в силах
Прошлое вернуть,
Но вопрос висит: ах,
Наш ли это путь?

Где начальник штаба?
ЧЯ б его прижал:
Что извлечь пора бы
Из спины кинжал.

Как извлечь уроки
Из своих потерь?
Пусть урок жестокий,
Волю не похерь!

Пусть мы проиграли,
Но зачем же пьём?
Вынуть не пора ли
Из спины копьё?

Как шуты из НАТО,
Обувь не целуй!
Вытащить бы надо
Из спины стрелу.

Свежий дух Борея
С нами до сих пор.
Вынуть бы скорее
Из спины топор!

Жизнь в конце сороковых
Напрягла всех в колхозе,
Первым лакомством был жмых,
Отвердевший на морозе.

Вместо денег – трудодни,
Да мешок зерна впридачу,
Да иззеженная кляча,
И забам сереньким сродни.

Я мальчонком всё любил,
Бегал, спал в пугax зеленых,
И, конечно, дом был мил,
В нем струился дух исконный

Стариков моих, крестьян,
Что ушли теперь далече,
Где народный атаман
С дедом говорил весь вечер.

Всё что было, отошло,
Отболело, отзвучало,
Но идет ко мне тепло,
Жизни прежней
свет начальный.

Уходит в небо звон церковей,
Мы при Владимире Великом
Седлали с радостью коней,
Нам души жгли лебяжьи клики.

Мы на Хазарию пошли,
Что ушли теперь далече,
И на престол земли взошли,
Путь начертив могучей длянью.

Упорно поднимая Русь,
Мечом язычников крестили,
Развеая крики, боль и грусть,
Молитвы помнили простые.

Князь Красным Солнышком сиял,
Неутомимый и отважный,
Столицей Киев он назвал,
Завоевав его однажды.

Оставив сыну Новоград,
Он был своей земли достоин,
И я его был видеть рад,
Когда во мне рождался воин...